

Административные практики чиновников Советского Киргизстана глазами советской власти (1924–1938 гг.)

Период 20–30-х годов в советской историографии рассматривался как время коренных социально-экономических преобразований, направленных на модернизацию традиционного киргизского в соответствии с современными веяниями. Пожалуй, это наиболее изученные направления преобразований истории XX века истории Киргизстана. В период независимости в изучении национальной истории акценты сместились в сторону описания биографий исторических личностей, внесших значительный вклад в развитие государства, проявивших себя в политике, особенно – в национал-строительстве. Собственно, вся исследовательская рефлексия на события в Советском государстве свелась исключительно к освещению фактов политических репрессий, проблемам реабилитации пострадавших, изучению процессов модернизации общества с точки зрения модернизационных теорий и мобилизации ресурсов по достижению этих целей. Целью данной статьи является описание административных практик первого поколения чиновников советской Киргизии, которые были у истоков создания советской бюрократической системы. Эта тема интересна еще и потому что их опыт административного управления складывался в царский период, каким образом он влиял на повседневную практику уже советского чиновника – это еще один аспект исследования этого переломного момента в истории кыргызов.

Источниковой базой данного исследования послужили материалы двух государственных архивов: Центральный государственный архив и архив политической документации Кыргызской Республики. В основной массе это документы руководства с попыткой опре-

делить ценность конкретного работника, возможности его дальнейшего трудоустройства, весьма лаконичные характеристики, жалобы, документы ОГПУ недавно рассекреченные и доступные исследователям. Необходимо отметить тот факт, что данная работа имеет свои естественные информационные ограничения, не позволяющие проводить полные обобщения относительно административных практик. Например, материалов частных лиц релевантных теме очень мало, что объясняется высоким процентом неграмотных из числа местного населения. Кроме того, письменные источники с попытками анализа сложившейся ситуации в аппарате государственного управления являются документами и деловой перепиской официальных органов. Данное обстоятельство указывает на то, что вектор изучения административных практик чиновников советской Киргизии в основном идет в направлении от государства к низовым органам советского аппарата и выражает только точку зрения государства на деятельность советских и партийных чиновников 20–30-х годов.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие стратегии применялись чиновниками в их административных практиках в 20–30-е годы? Какая социальная группа являлась кадровым ресурсом для государства? Каким образом советское государство пыталось преодолевать трудности управления автономной областью в условиях недостатка квалифицированных кадров советско-партийного аппарата? Для понимания и описания сути используемых стратегий местный орган управления автономной области автор применил концепцию Пьера Бурдьё¹ с такими понятиями как социальный агент и габитус. Чиновники первого поколения киргизской автономии применяли стратегии в своей практике для достижения определенных целей, логика которых определялась практическим смыслом, габитусов и стратегией поведения.

Габитус как система прочных приобретенных предрасположенностей порождает и организует практики и представления, призванные для достижения определенных результатов. Будучи результатом конкретного исторического развития, габитус обуславливает

¹ П. Бурдьё, *Структуры, habitus, практики. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас*, Новосибирск 1995.

присутствие прошлого опыта в настоящем путем воспроизведения однообразно структурированных практик, которые обеспечивают принцип преемственности и регулярности социальной жизни. Он позволяет социальному агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. Габитус порождает общепринятые манеры поведения, которые приспособлены к определенному типу деятельности. Поскольку партия большевиков декларировала строительство государства совершенно нового типа, то и для жизни и управления в этом государстве требовался новый тип граждан с иными принципами поведения. Местная специфика социальной жизни советской Средней Азии также накладывала свой отпечаток – неграмотность населения, наличие патриархально-родовых отношений, социально-экономическая неразвитость, – обуславливала пристальное внимание государства вопросам образования и воспитания, социализации индивида советского типа, подготовки кадров для управленческого аппарата.

В общих чертах концепцию можно сформулировать следующим образом: в период формирования управленческого аппарата и в условиях кадрового дефицита происхождение и социальная принадлежность потенциального работника молодого советского государства не являлись определяющим фактором при назначении на административную должность. Система сама испытывала давление со стороны персонала, который работал в ней. Она вынуждена была приспособливаться, разрабатывать комплекс мероприятий, методов и форм противодействия, чтобы выстоять и изменить систему диспозиций чиновников-агентов, иным словом – формирование «советского» габитуса управленцев. В процессе становления советской административной системы шло массовое обновление опыта чиновников из числа местного населения в связи с тем, что административные практики, хорошо зарекомендовавшие себя в государственных системах Кокандского ханства и Российской империи, оказались не вполне адекватными в условиях строительства социалистического общества.

С выделением Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР перед властью встал вопрос о формировании и укомплекто-

вании органов административного аппарата. В силу неграмотности и плохого владения русским языком эти процессы протекали с осложнениями. Испытывая дефицит в квалифицированных кадрах, которые еще необходимо было растить, партия большевиков вынуждена была пойти на компромисс. Социальное происхождение, работа в волостных и аильных органах царской администрации, тесные связи с феодальной верхушкой кыргызского общества не становились решающим фактором при назначении на ответственные посты областной автономии, но эти обстоятельства были достаточным основанием для пристального внимания со стороны партии и органов ОГПУ к деятельности чиновников из числа местного населения. Документы свидетельствуют, что, собирая информацию, следователи в личных делах ответственных работников давали нехитрые психологические описания личностей² с их слабостями и указывали на каких административных постах, в каких учреждениях они были бы наиболее полезны. Вполне умелое манипулирование государством проявлениями патриархально-родовых противоречий кыргызского общества частью политической жизни советского Киргизстана.

Но прежде всего Советской власти следовало определиться: кем же являлись классовые враги советской власти в Средней Азии? Предпочтение было отдано определению Павла Ивановича Кушнера³. По его мнению, манапы благодаря своей зажиточности, наличию дружинников (аткаминеров – всадников), выполнению административных функций (сбор налогов с населения, полицейские и военные функции, вопросы выпаса скота), выполняли свою социальную функ-

² ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д. 33, л. 127–130.

³ Кушнер (Кнышев) Павел Иванович (14(26).1.1889, Гродно – 14.03.1968, Москва), советский государственный и партийный работник, учёный-этнограф, доктор исторических наук (1947), профессор (1959). Член Коммунистической партии с 1905. До 1917 вёл партийную работу в Гродно, Риге, Москве. Неоднократно подвергался арестам. Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 (член Московского ВРК и Исполкома Московского совета) и Гражданской войны в Средней Азии (в 1920 начальник политотдела Туркестанского фронта). В последующие годы – на партийной, государственной и преподавательской работе. С 1944 в институте этнографии АН СССР. Занимался проблемами общей этнографии, этнической географии, этнографии славян, социалистического переустройства быта и культуры народов СССР и др.

цию в обеспечении физической и правовой защиты соплеменников. В руках манапов сосредотачивалась власть, позволявшая осуществлять контроль над социальными капиталами, единолично решать кого допускать или не допускать к этим ресурсам. Сила традиции была так велика, что в первые десятилетия советской власти неимущие и обедневшие роды (кланы) продолжали нанимать кого-нибудь из манапов для защиты своего скота и имущества. Особенно это касалось тех, кто по различным причинам становился маргиналами в собственной среде и вынуждены были мигрировать на другие территории или просить покровительства у соседних более сильных племен. В документах упоминаются случаи, когда киргиз-кайсаки (казахи) кочевавшие в горах Сусамыра часто прибегали подобного рода услугам феодальной верхушки кыргызов. К примеру, тот же Худайкулов был по национальности казахом из рода Аблай, его предки переселились в Чуйскую долину и жили под покровительством манапа Шабданова Джантая. По характеристике данной партийными органами чиновнику «по-киргизски вполне оформившийся тип с твердым убеждением».

Документы совещаний и заседаний Киробкома партии ВКП(б) свидетельствуют о наличии разного рода группировок в административных органах. Приток добровольцев на замещение вакантных должностей в государственные органы объяснялся не только искренним желанием служения «классовым» интересам и гражданственностиместного населения, но преследовались групповые и личные интересы. Например, в ходе борьбы между группой тридцатки и группой Худайкулова в 1922–1924 годах органами ЧК Кара-Киргизской автономной области велся сбор документов и информации об их политической и административной деятельности. Далее описываются конкретные действия чиновников: 13 апреля 1926 г. ответственный работник Кульназаров, сторонник Худайкулова, с председателем Нарынского райисполкома Турдыбаевым собрали ответственных работников г. Нарын и предложили им собрать с каждой волости по 2 головы крупного рогатого скота. Административные работники г. Нарын по мнению Кульназарова и Турдыбаева должны были восстановить транспортные расходы последних по поездкам в область

и в Москву. Скот собрали и отдали чиновникам, а по решению нарынцев выданный скот должен был быть восстановлен за счет населения. С точки зрения традиционного уклада жизни данная практика административного управления для населения области была понятна, не вызывала возражений и воспроизводила модель взаимоотношений органов администрации и жителей, которая сложилась и распространилась в Кокандском ханстве и не изменилась в период пребывания в составе Российской империи⁴.

Лучше всего ситуация с кадрами в области описывается в отчете Кара-Киргизского партийного бюро: «Лучших сил Кара-Киргизия не могла заполучить, вследствие того, что не имела возможности предложить этим силам таких выгодных условий, какие могли предложить другие нацреспублики.....Попытка же некоторых Облучреждений создать свои аппараты, базируясь на имеющихся Пишпекский окружных органах – успеха не имела, т.к. оказалось, что окружные аппараты состояли по качеству из весьма посредственных работников»⁵. Корень зла группировочной борьбы власти видели в преобладании манапов и их сторонников в низовом советском аппарате. Феодалы возлагали очень большие надежды на национальное размежевание, предполагая усиление своего влияния в Советах. Манапы весьма быстро усвоили то, что советская власть была весьма чувствительна к имущим классам общества, поэтому крайне редко, если никогда не принимали участие в выборах депутатов в Советы. Им достаточно было иметь своих представителей в административных органах. Именно они обеспечивали защиту интересов. Чиновники, приехавшие в Кыргызстан из центральных областей России, особо подчеркивали факт отсутствия политической культуры и делового принципа – выдвижение кандидатов в председатели волостных исполкомов и аульные советы «на почве делового подхода»⁶. Фактически за каждой группой стояли свои манапы и основная борьба разворачивалась между ними. Например, в материалах помощника

⁴ ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д 34, л. 188.

⁵ ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д 16, л. 106.

⁶ ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д 34, л. 188–192.

уполномоченного уезда Шапоренко указывалось⁷, что в г. Пишпек состоялось совещание баев и манапов под руководством Шабданова. На совещании присутствовало 20 человек, на котором было принято решение отправить в Москву Ю. Абдрахманова (председатель Совнаркома), снабдив его достаточными средствами для решения текущих вопросов, поддерживать политическую линию Ю. Абдрахманова и А. Сыдыкова. Манапами распространялась информация о том, что после смерти Ленина Троцкий был смещен с занимаемой должности и власть опять вернется к феодальной верхушке.

Чиновники, направленные в Киргизию из центральных районов России не могли оставаться в стороне от групповой борьбы. Архивные документы содержат информацию о том, и они вынуждены были включаться в противостояние группировок, на чьей либо стороне. Например, при решении вопроса о высылке семьи манапа Шабданова⁸ секретарь обкома партии Узюков выступал за ее осуществление, выступая на стороне группы Худайкулова. Ответственный работник Бройдо, будучи на стороне Сыдыкова и Абдрахманова, выступал резко против высылки. Узюков во время выступления на закрытом заседании обкома подчеркивал факт принадлежности Бройдо к классово чуждым элементам, его службу в дореволюционное время в адвокатуре города Пишпек, близкое знакомство с уездными начальниками Затенщиковым и Путенцевым.

В советско-партийных документах низовой советский аппарат критиковался партийными органами за бесконечные поборы и самообложения населения. Скот и деньги собирались на поездки, угощения, на канцелярию, на содержание джигитов, прием комиссий и прочее. Проводились поборы в различных формах: раскладывали на юрты или аулы (с каждой юрты или аула взималась определенная сумма), разбивали на группы дехкан или аулы. Такой принцип управления низового советского аппарата автономной области напрямую влиял на эффективность его работы. Для оздоровления работы и состояния административного аппарата партией был предложен ряд мероприятий: проведение расширенных пленумов с участием батрачества

⁷ ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д. 34, л. 189.

⁸ ЦГАПД КР ф. 10, оп.1, д. 33, л. 147.

и дехканства, организация различных секций, комиссий при советах, проведение культурных мероприятий, регулярные отчеты низового советского аппарата перед избирателями. В связи с тем, что практика взимания сборов для чиновников не изживалась, то предлагалось проводить сборы через введение волостного бюджета. Кроме того, подчеркивалась необходимость проведения показательных судебных разбирательств по незаконному сбору средств для чиновников.

Ситуация со сборами зашла слишком далеко и остро поставила проблему «революционной законности» в автономии. С этой целью за первые два десятилетия был проведен ряд прокурорских проверок. Система органов правопорядка по состоянию дел, кадровому обеспечению, качественной подготовке работников также была копией системы советских органов: «...мы имеем очень неподготовленных работников, если подходить с той меркой, с которой мы вообще подходим к этому вопросу» – писал прокурор Стефанюк о результатах ревизии областного прокурорского надзора⁹. Влияние пережитков «патриархального строя» (трайбализма) чувствовалось и областной прокуратуре. В отчете Стефанюка отмечалось, что взяточничество и должностные преступления общество, партийные и государственные органы не беспокоят, а, если судить по статистическим выводам вынуждены признать, что взяточничество стало почти бытовым явлением. Проверка штата органов милиции прокурором Панкратовым выявил такие факты, когда на службу шли лица, которые в самом тексте заявления писали о своих намерениях: «Прошу принять меня на должность старшего милиционера, т.к. не имею средств к существованию»¹⁰. Эта проверка выявила, что в милиции и уголовном розыске работали случайные лица с преступными наклонностями, которые через 1–2 месяца покидали свои посты, «поправив» свое материальное положение. На закономерный вопрос – почему это происходит, ответ давался следующий – «принимаем, совершает преступления, мы его выгоняем». Наиболее распространенным должностным преступлением было изготовление и сбыт самогона (водка, изготовленная в домашних условиях).

⁹ ЦГАПД КР ф.10, оп.1, д. 19, л. 111–120.

¹⁰ Ibidem, л. 117.

Наиболее распространенным по частоте совершения преступления касалось взимания штрафов с нарушителей закона¹¹ за изготовление и сбыт самогона, хранение оружия и др. Размер штрафов определялся произвольно самим милиционером, объяснить, чем он руководствовался в определении размера штрафа, он не мог. Справедливости ради необходимо заметить, что и сама государственная позиция позволяла интерпретировать правила наложения штрафа на нарушителя, поскольку предписывала милиционерам выдерживать «классовую линию и линию по взысканию штрафов с имущих и неимущих классов».

Следующий важный шаг проверки касался судебной работы прокуратуры. Был выявлен факт, что народные судьи были недостаточно глубоко знакомы с советским правом¹². Попутно были проверена система пеницитарных учреждений, где также присутствовал ряд нарушений: совместное содержание уголовников-рецидивистов и людей, попавших в тюрьму за мелкие нарушения. Как выяснилось, не было администратора, который занимался бы этим вопросом. Система охраны заключенных была несовершенна, если не сказать, что отсутствовала¹³. Бывали случаи, когда администрация исправительных учреждений не знала каким образом заключенные бежали из мест заключения. Не редки были случаи достижения договоренностей преступников с начальниками учреждений. Это было той проблемой, которую советской власти надо было решать быстро, так как в регионе продолжались отдельные выступления басмаческих групп против советской власти.

Гендерная политика советского государства дала возможность изыскать дополнительный кадровый ресурс для формируемой административной системы. Одним из важных мероприятий развития гендерного равенства в советском государстве было раскрепощение женщин, борьба с бытовыми преступлениями и привлечение женщин к работе в государственных органах. Однако полный комплект социальных проблем: низкий порог образованности, невысокий со-

¹¹ Ibidem, л. 118.

¹² Ibidem, л. 119.

¹³ Ibidem, л. 120.

циальный статус женщин в исламском обществе, патриархальные пережитки, – требовал разработки особой программы действий. В рамках этой программы была создана сеть профильных образовательных курсов, организованы публикации на кыргызском языке, популяризирующих борьбу с бытовыми пережитками и советские законы. Всякие компании, организуемые советскими и судебными органами, должны были увязывать с пропагандой права. Но и здесь государство позволяло себе определенные отступления от буквы закона. Например, в вопросах привлечения к уголовной ответственности лиц за нетяжкие бытовые преступления (например, избиение жен) которые «формально своими действиями препятствуют раскрепощению, но по своему социальному положению (батрак, бедняк)» должен был учитываться тот факт, что они по природе своего социального происхождения не могут быть противниками советской власти. И потому предлагалось осторожно подходить к судебному рассмотрению подобных дел.

В условиях кадрового дефицита советская власть не могла отказываться от тех скудных ресурсов, которые имелись в области. В то время советская власть пыталась быстро подготовить чиновников для партийно-советских административных органов, которые не были бы связаны с буржуазными и феодальными кругами. Власть была вынуждена мириться с манапским происхождением и небезупречным, с точки зрения классового подхода, прошлым, т.к. начинали они свою трудовую деятельность в царской администрации в качестве переводчиков, чиновников низовых волостных и аульных органов. Власть скрупулезно собирала компрометирующий материал на них. Если первоначально позиция советской власти в отношении работников не была однозначно негативной с непременным желанием физического уничтожения, то по мере подготовки нового поколения административных работников старое поколение должно было уйти со сцены, когда физическое уничтожение последнего было самым оптимальным решением. Таким образом, с точки зрения власти нарушалась преемственность в усвоении практик, создавались благоприятные условия для формирования нового габитуса, соответствующего идеям социализма.

Streszczenie

Autorka w niniejszym artykule przedstawia administracyjne praktyki urzędników w radzieckim Kirgistanie w przełomowych dla Rosji Radzieckiej, a później Związku Radzieckiego latach 20. i 30. XX w. Wykorzystała do tego celu zbiory archiwalne dostępne w Centralnym Archiwum Państwowym oraz Archiwum Dokumentacji Politycznej Republiki Kirgiskiej. W swojej pracy stara się odpowiedzieć, jakie strategie przyjmowali urzędnicy w swoich praktykach administracyjnych, z jakich klas społecznych wywodzili się oni oraz jak władze radzieckie starały się przezwyciężyć trudności w zarządzaniu autonomicznym regionem przy braku wykwalifikowanych kadr aparatu partyjnego.

Summary

The author in this article presents administrative practices of the officials in the Soviet Kyrgyzstan, during the Soviet Russia's and later the Soviet Union's breakthrough years – the twenties and thirties of the 20th century. The author used archive resources available at the Central State Archive and the Political Documentation Archive of the Kyrgyz Republic. In her work she is trying to answer what strategies the officials took in their administrative practices, which social classes they belonged to and how the Soviet authorities tried to fight the obstacles in managing an autonomic region, lacking qualified party apparatus personnel.